

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Оригинальное эмпирическое исследование

УДК 340.15

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-2-22-33>

EDN: TUQKLC

Лишение избирательных прав как мера конституционно-правовой ответственности в СССР в раннесоветский период

Л.Г. Берлявский^{1, 2} , В.А. Бондарев¹ ¹ Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация² Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация berlg@yandex.ru

Аннотация

Введение. Согласно принятой в 1918 г. Конституции РСФСР, отдельные лица и отдельные группы населения, представлявшие угрозу для советской власти, лишались избирательных прав. Так в Советской России возникла политически и социально неполноправная группа так называемых «лишенцев», существовавшая до 1936 г. Если в советской научной литературе лишенцы оставались за пределами исследовательского внимания, то в постсоветский период этой теме была посвящена масса работ. Тем не менее в рамках историко-юридического подхода недостаточно освещены такие вопросы, как соотношение правовых установлений о лишенцах, закрепленных в Основном законе и конкретизировавшихся в инструкциях ВЦИК, а также подзаконных нормативных правовых актах; трансформация законодательства о лишенцах в 1920-х – первой половине 1930-х гг.; отражение дискриминационных норм о лишенцах в отраслевом законодательстве. Исходя из вышеизложенного, цель настоящей публикации – исследовать лишение избирательных прав как меру конституционно-правовой ответственности в Советской России в 1918–1936 гг.

Материалы и методы. Эмпирическую базу исследования составил комплекс нормативно-правовых документов 1918–1936 гг., а также опубликованные и архивные документы из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Краснодарского края (ГАКК), Таганрогского филиала Государственного архива Ростовской области (ТФ ГАРО). Методология исследования представлена общенаучными и специальными методами, в числе которых историко-генетический, сравнительно-исторический, историко-правовой, формально-юридический (догматический).

Результаты исследования. Доказано, что основную массу лиц, лишенных избирательных прав согласно Конституциям РСФСР 1918 г. и 1925 г., составляли не преступившие советский закон или недееспособные члены социума, а оппозиционно настроенные и потенциально опасные для большевистского режима лица: эксплуатирующие чужой труд, живущие на нетрудовые доходы, занимающиеся торговлей, а также священнослужители, бывшие полицейские, жандармы и т. п. Тем самым советское государство узаконило дискриминацию определенных групп населения, оправдывая это борьбой за построение социализма. На протяжении 1920-х гг. к лишенцам добавлялись все новые категории населения (бывшие белогвардейские офицеры, чиновники Белой армии, члены семей лиц, лишенных избирательных прав, и т. д.), в результате чего численность лишенцев к концу 1920-х гг. достигла 3,7 млн человек. Лишение избирательных прав не только отстраняло граждан от выборов в органы местного самоуправления, но и в целом сильно осложняло жизнь.

Обсуждение и заключение. Лишение избирательных прав, предусмотренное Конституциями РСФСР 1918 г. и 1925 г., правомерно характеризовать как меру конституционно-правовой ответственности. В 1920-х – первой половине 1930-х гг. в законодательстве о лишенцах существенно варьировалась суровость применявшихся к ним санкций, что предопределялось колебаниями внутривнутриполитического курса большевиков. В конечном итоге целенаправленное государственное давление на лишенцев привело к резкому снижению их численности, что позволило законодательству отказаться от этой меры конституционно-правовой ответственности и уже не упоминать о ней в Конституции 1936 г.

Ключевые слова: лишенцы, избирательные права, конституционно-правовая ответственность, конституционное право, РСФСР, СССР

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Берлявский Л.Г., Бондарев В.А. Лишение избирательных прав как мера конституционно-правовой ответственности в СССР в раннесоветский период. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2026;4(2):22–33. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-2-22-33>

Original Empirical Research

Disenfranchisement as a Constitutional Legal Liability Tool in the Early Soviet Period of the USSR History

Leonid G. Berlyavsky^{1,2} , Vitaliy A. Bondarev¹

¹ Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russian Federation

 berlg@yandex.ru

Abstract

Introduction. According to the RSFSR Constitution adopted in 1918, certain individuals and groups of the population who posed a threat to the Soviet power were deprived of their voting rights. Thus, in Soviet Russia, there appeared a group of people with political and socially impaired rights, the so-called “disenfranchised”, which existed until 1936. Although in the scholarly literature of the Soviet period, the “disenfranchised” remained beyond the scope of scientific interest, in the post-Soviet period, the number of publications addressing this topic became huge. However, in the frame of the historical-legal approach, the following issues remained insufficiently studied: the relationship between the legal provisions regarding the disenfranchised persons enshrined in the Fundamental Law and then detailed in the directives of the All-Russian Central Executive Committee, as well as in the by-law regulatory legal acts; the transformation of the disenfranchisement laws in the 1920s and first half of the 1930s; and implementation of the discriminatory norms towards disenfranchised into the sectoral laws. Based on the above, the aim of the article is to study the disenfranchisement as a tool of constitutional legal liability in Soviet Russia in 1918–1936.

Materials and Methods. The empirical basis of the study was formed by a set of legal documents of the 1918–1936 period, as well as by the published and archival documents of the Russian State Archive of Socio-Political History (РГА СПИ /RSA SPH), the State Archive of the Krasnodar Territory (ГА КК/SA KT), the Taganrog branch of the State Archive of the Rostov Region (ТФ ГАРО/TB SARR). The research methodology included the general scientific and specific scientific methods, such as: historical-genetic, comparative-historical, historical-legal, legalistic (dogmatic) methods.

Results. It has been proved that the majority of people deprived of their voting rights under the RSFSR Constitutions of 1918 and 1925 were not those who had violated the Soviet Law or legally incapable (incapacitated) members of the society, but rather those who had the oppositional views and posed potential danger to the Bolshevik regime: the ones exploiting other peoples' labor, living on unearned income, engaged in commerce, as well as the clergy, former police officers, gendarmes, and the like. Thus, the Soviet state had legitimized discrimination against certain groups of the population for the sake of struggling to build socialism. During the 1920s, new categories of the population (former White Guard officers, White Army officials, family members of the disenfranchised, etc.) were added to the disenfranchised persons, as a result, the number of disenfranchised reached 3.7 million by the end of the 1920s. Disenfranchisement not only prevented citizens from participating in local government elections, but greatly complicated their whole life.

Discussion and Conclusion. Disenfranchisement, as stipulated in the RSFSR Constitutions of 1918 and 1925, can rightfully be characterized as a tool of constitutional legal liability. Within the disenfranchisement laws of the 1920s and first half of the 1930s, the severity of sanctions applied to the disenfranchised could vary significantly depending on the changes in the internal Bolsheviks' policy. Eventually, targeted pressure of the state on the disenfranchised persons led to a dramatic decline in their numbers, which allowed the legislators to abandon this tool of constitutional legal liability and no longer include it in the Constitution of 1936.

Keywords: disenfranchised, voting rights, constitutional legal liability, constitutional law, RSFSR, USSR

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewers for critical evaluation of the materials and suggestions for their improvement that contributed to the significant enhancement of the quality of the article.

For Citation. Berlyavsky LG, Bondarev VA. Disenfranchisement as a Constitutional Legal Liability Tool in the Early Soviet Period of the USSR History. *Legal Order and Legal Values*. 2026;4(2):22–33. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-2-22-33>

Введение. Согласно принятой в 1918 г. Конституции, Российская Советская Республика (РСФСР) провозглашалась «свободным социалистическим обществом всех трудящихся России», которым и принадлежала полнота власти в стране. В Конституции декларировались равные права граждан независимо от их расовой и национальной принадлежности, в том числе и при выборах в органы власти – городские и сельские советы. Однако в том же Основном законе указывалось, что правительство РСФСР, действуя «в интересах рабочего класса», лишает «отдельных лиц и отдельные группы [населения] прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции»¹. Так в Советской России появилась политически и социально неполноправная группа так называемых «лишенцев», существовавшая до 1936 г.

В советской научной литературе лишенцы оставались за пределами исследовательского внимания, однако в постсоветской историографии возникли прямо противоположные тенденции. Данной категории населения посвящен массив разнообразных диссертаций, монографий, публикаций как обзорного характера [1–3], так и посвященных отдельным аспектам проблемы: использованию большевиками лишения избирательных прав как метода давления на оппозиционные общественные группы (зажиточных крестьян, торговцев, священнослужителей и т. д.) [4–7]; преследованию лишенцев в тех или иных городах и регионах страны [8–11]; способах борьбы лишенцев за возвращение статуса полноправных граждан [12, 13].

Лишенцы являются предметом исследования и в современной юридической литературе. В ряде публикаций анализировались нормы советского законодательства, служившие основанием для лишения тех или иных граждан СССР избирательных прав; освещалось правовое положение лишенцев; рассматривался процесс разработки Конституции 1936 г., упразднившей данную неполноправную категорию населения; предпринимались попытки выяснить причины этих трансформаций [14–16]. Однако процесс научного осмысления проблемы появления и существования в советском обществе такой категории, как лишенцы, еще далек от завершения. В частности, в рамках историко-юридического подхода недостаточно освещены такие аспекты указанной проблемы, как соотношение правовых установлений о лишенцах, закрепленных в Основном законе (в Конституциях РСФСР 1918 г. и 1925 г.) и конкретизировавшихся в инструкциях ВЦИК, а также подзаконных нормативно-правовых актах; трансформация законодательства о лишенцах, наблюдавшаяся в 1920-х – первой половине 1930-х гг.; отражение дискриминационных норм о лицах, лишенных избирательных прав, в отраслевом законодательстве, в частности, в советском аграрном праве. Отмеченные обстоятельства наделяют проблематику лишенчества в советском законодательстве научно-теоретической актуальностью. Присуща ей и практическая актуальность, обусловленная необходимостью тщательного анализа предшествующих этапов законотворчества при разработке тех или иных норм права в Российской Федерации.

Цель настоящей публикации – исследовать лишение советских граждан избирательных прав как меру конституционно-правовой ответственности в СССР в период 1918–1936 гг. Наше внимание сконцентрировано на том, как конкретизировались положения Конституций РСФСР 1918 г. и 1925 г. о лишенцах в различных актах конституционного значения, иных нормативных правовых актах, принимавшихся органами власти на протяжении отмеченного исторического периода.

Материалы и методы. Эмпирическую базу исследования составил комплекс нормативно-правовых документов, принятых органами власти РСФСР и СССР в 1918–1936 гг., в которых излагались правовые основания для причисления тех или иных категорий населения к лишенцам и устанавливались связанные с данным статусом правовые и социальные ограничения. В первую очередь, речь идет о двух Конституциях РСФСР, принятых соответственно V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. и XII Всероссийским съездом Советов 11 мая 1925 г. Именно этими Основными законами были установлены правовые основания для лишения избирательных прав определенных категорий населения Советской республики. Не менее важны инструкции Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) о порядке выборов в городские и сельские советы, поскольку ими конкретизировались положения Основных законов о лишении тех или иных советских граждан избирательных прав. Нами был проанализирован и ряд других нормативных актов, которыми предусматривались дополнительные правовые ограничения для лишенцев: «Основные начала уголовного законодательства СССР» 1924 г.; «Положение об общих собраниях (сходах) граждан в сельских поселениях», утвержденное ВЦИК и СНК РСФСР 14 марта 1927 г.; «Общие начала землепользования и землеустройства», принятые ЦИК СССР

¹ *СУ РСФСР*. 1918;(51):582.

15 декабря 1928 г.; постановление Совнаркома СССР «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде» от 21 мая 1929 г., и др.

Важными компонентами источниковой базы являются также исторические документы, как опубликованные, так и хранящиеся в архивах. В частности, в настоящей работе были использованы документы из таких архивных хранилищ, как Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области (ТФ ГАРО), Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Изученные нами материалы содержат информацию о настроениях лишенцев, их реакции на законодательно установленное ущемление в правах, их отношении к советскому политическому режиму. Анализ зафиксированных в источниках общественных настроений необходим для понимания мотивов тех изменений, которые наблюдались в 1920-х гг. в инструкциях ВЦИК о порядке проведения выборов в городские и сельские советы.

В концептуальном плане исследование опирается как на общенаучные, так и на специальные исторические и юридические методы, в числе которых следует отметить историко-генетический, сравнительно-исторический, историко-правовой, формально-юридический (догматический). В частности, путем применения историко-генетического и историко-правового методов удалось проследить ведущие тенденции развития советского законодательства о лишенцах на фоне социально-политических и экономических трансформаций в Советской России в 1918–1936 гг. Сравнительно-исторический метод позволил выявить колебания внутривластного курса советского партийно-государственного руководства и обусловленные этими колебаниями изменения в содержании нормативных правовых актов, определявших основания для отнесения советских граждан к числу лишенцев.

Результаты исследования. Краеугольным камнем советского законодательства о лишенцах выступает Конституция РСФСР 1918 г. Принятая в условиях нарастающей Гражданской войны, участники которой вовсе не были намерены идти на компромисс и щадить друг друга, Конституция провозглашала основной задачей советской власти не только «уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы», установление социалистической организации общества и «победы социализма во всех странах», но и беспощадное подавление эксплуататоров (раздел 1, гл. 2, ст. 3). Исходя из этого, в Основном законе указывалось, что в момент решительной борьбы пролетариата с его эксплуататорами последним «не может быть места ни в одном из органов власти» (раздел 1, гл. 4, ст. 7). Поскольку городские и сельские советы трактовались Конституцией 1918 г. как «высшая в пределах данной территории власть» (раздел 3, гл. 11, ст. 60), эксплуататоры и другие враждебные делу социализма лица не допускались к электоральному процессу.

В разделе 4 Конституции РСФСР 1918 г., где излагались нормы активного и пассивного избирательного права, перечислялись (гл. 13, ст. 65) следующие категории лиц, не допускавшихся к выборам в советы и не могущих быть выбранными в эти органы власти: а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовые доходы (проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.); в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором.

Если отстранение от выборных процедур лиц, означенных в пунктах «е» и «ж», являлось общепринятой практикой, то распространение этих ограничений на представителей «эксплуаторских классов», торговцев, священнослужителей, бывших полицейских и т. д. являлось новацией большевиков, нацеленной на ослабление оппозиции их режиму и укрепление советской власти. Как видим, лишенцы представляли собой «достаточно пеструю группу, в которую входили люди разного социального происхождения, возраста, рода прежней и настоящей деятельности» [17, с. 612]. Роднило лишенцев одно: к этой установленной Основным законом категории относились, прежде всего, не преступившие советский закон или недееспособные члены социума, а опасные для большевистского режима лица. Они привлекались к конституционно-правовой ответственности в виде лишения избирательных прав не из-за конкретных правонарушений, а в силу своего происхождения, социального и материального положения, фактов биографии, общественно-политических взглядов. Таким образом, в Конституции 1918 г. была законодательно закреплена дискриминация определенных групп населения, оправдываемая необходимостью и жесточечностью борьбы за построение социализма, а также «сакральной идеей» о превосходстве трудящихся (конкретно – пролетариата) над другими категориями раннесоветского общества [18, с. 158].

В связи с переходом к нэпу в 1921 г. давление большевиков на те группы населения, которые рассматривались ими как враждебные, несколько ослабло. Исследователи справедливо отмечают, что в 1920-х гг. новая власть «сквозь зубы», но терпела представителей досоветских имущих классов и других «бывших людей» [19, с. 138, 140], объективно полезных в рамках стратегии нэпа. Но это был именно временный компромисс, не

отменявший стратегического курса на построение социально однородного общества. Поэтому «социально чуждые» большевикам группы населения продолжали подвергаться дискриминации, в том числе путем недопущения к выборам. Советские правоведы находили этому юридические обоснования. Так, видный конституционалист Г. Гурвич в своей статье «Избирательное право», опубликованной в 1926 г., отмечал, что таковое «не может быть и не бывает всеобщим и равным там, где нет всеобщего участия в производительном труде и равного распределения общественного богатства» [20, с. 33]. В изданной под редакцией П.И. Стучки в 1925–1926 гг. «Энциклопедии государства и права» указывалось, что советское избирательное право «предназначено для подавления буржуазии, для проведения пролетарской диктатуры» [21, стлб. 79]. Эти заявления ясно свидетельствовали о том, что, несмотря на определенную либерализацию внутренней политики компартии в период нэпа, обозначенный в Конституции 1918 г. курс на подавление оппозиционных или потенциально враждебных большевикам групп населения сохранялся и в 1920-х гг.

Неизменность политико-идеологических установок лидеров компартии привела к тому, что в новой Конституции РСФСР, принятой в 1925 г., по-прежнему перечислялись семь категорий лишенцев [17, с. 612], ранее обозначенных в Основном законе 1918 г. Конкретный перечень категорий лишенцев был изложен в раздел 4, гл. 6, ст. 69 Конституции 1925 г.² По сравнению с Конституцией 1918 г., в данном перечне содержались два уточнения: в число лишенцев были включены лица, руководившие деятельностью полиции, жандармерии и карательных органов, а также монахи и духовные служители религиозных культов всех исповеданий и толков, для которых это занятие являлось профессией. Статистические материалы 1920-х гг. неопровержимо свидетельствуют о том, что основная масса лишенцев была представлена лицами, которых большевистское руководство рассматривало как противников советской власти. Так, согласно итогам Всесоюзной переписи населения 1926 г., лишенцы составляли 1,63 % от общего количества избирателей в СССР, причем среди них преобладали частные торговцы (свыше 43 %), служители культа (более 15 %), живущие на нетрудовые доходы (до 14 %), бывшие царские офицеры и т. п. (9 %).

Хотя лишение избирательных прав как мера конституционно-правовой ответственности отторгаемых советской властью групп населения присутствовало в Конституциях РСФСР 1918 г. и 1925 г., оба этих документа содержали лишь общие положения о лишенцах. Это предоставляло лидерам компартии и партийным функционерам широкие возможности «для произвольного толкования признаков, влекущих за собой дискриминацию» лиц, подлежащих лишению избирательных прав [13, с. 30]. Опираясь на Основной закон, представители власти могли варьировать политику в отношении лишенцев в зависимости от той общественно-политической ситуации, которая складывалась в стране. Недомолвки законодательства оставляли партийно-советским чиновникам просторство и для злоупотреблений властью, для сведения личных счетов, для коррупционного обогащения.

В годы Гражданской войны четкие правила, согласно которым те или иные жители страны причислялись к лишенцам, еще только формировались. Исследователи справедливо отмечают, что в это время «порядок выборов определялся самими советами», а «избирательный процесс был достаточно простым» [17, с. 605]. Советские руководители, контролировавшие выборы, стремились не допускать в местные органы власти всех, кого можно было причислить к «эксплуаторам» и «нетрудовому населению». Существенное влияние на электоральный процесс оказывали и конкретные социально-политические условия на местах, степень влияния представителей компартии, соотношение конкурировавших групп населения и пр. Так, деревенские кулаки, которые согласно Конституции должны были лишаться избирательных прав как эксплуатировавшие чужой труд, в ряде случаев не только избирались местными жителями в состав советов, но и становились их председателями [17, с. 605]. Игнорировать закон кулакам позволяло их богатство и влияние на односельчан, которые часто находились в долговой зависимости от них. Кроме того, далеко не все представители деревенской бедноты были готовы исполнять обязанности членов советов, так как из-за этого они не могли должным образом работать в собственном хозяйстве. Представители же зажиточно-кулацких слоев деревни обладали достаточной экономической устойчивостью, чтобы уделять время административной работе. Наконец, сказывалось и распространенное среди крестьян уважительное отношение к деревенской верхушке как к «крепким хозяевам»: сельские жители полагали, что если тот или иной состоятельный односельчанин может умело вести собственное хозяйство, то и в сфере общественного самоуправления он достигнет успеха.

В 1920-х гг. положения Основного закона о лишенцах конкретизировались инструкциями ВЦИК о порядке проведения выборов в городские и сельские советы. Согласно этим нормативным правовым актам, задачи учета избирателей в городах возлагались на профсоюзные комитеты предприятий и домоуправления, а в сельской местности – на волостные исполкомы (волисполкомы) и сельсоветы. Эти же органы составляли «постоянные списки»

² *СУ РСФСР*. 1925;(30):218.

лиц, лишенных избирательных прав [22, с. 108]. Затем списки избирателей и лишенцев передавались на утверждение низовых избирательных комиссий. Помимо прочего, избирательные комиссии должны были следить за «соблюдением установленных законом правил и норм выборов» (что формулировалось, в частности, в постановлении Президиума ЦИК СССР «Об инструкции о перевыборах в советы» от 16 января 1925 г.)³.

За 20 дней до выборов списки лишенцев полагалось разместить на видном месте: как правило, в помещении домоуправления, здании сельсовета или рядом с ним [17, с. 612-613]. Обнародование списков лиц, лишенных избирательных прав, преследовало не только ознакомительные, но и назидательно-воспитательные цели. По этому поводу работники совета станицы Березанской Кубано-Черноморской области указывали в 1923 г., что вывешенные на всеобщее обозрение списки «не имеющих права голоса» помогут местным жителям понять, за что некоторые станичники лишены избирательных прав [23]. Другими словами, видя в списках лишенцев местных кулаков, торговцев, бывших офицеров, население понимало как мотивы отстранения их от выборов, так и суть классовой политики советской власти.

В зависимости от политических установок лидеров компартии и от текущей общественно-политической ситуации в стране, инструкции либо ужесточали, либо, напротив, смягчали принципы и порядок лишения избирательных прав. Соответственно, численность и удельный вес лишенцев неоднократно менялись на протяжении 1920-х – первой половины 1930-х гг., о чем свидетельствуют данные, приведенные в таблице 1 [24, стлб. 200].

Таблица 1

Удельный вес лиц, лишенных избирательных прав в СССР в 1923–1934 гг.
(в процентах к общему количеству избирателей)

	1923 г.	1924 г.	1927 г.	1929 г.	1931 г.	1934 г.
В городах	8,2	5,0	7,7	8,5	4,9	2,4
В сельской местности	1,4	0,74	3,5	4,1	3,7	2,6

Как видим, пиковых значений численность лишенцев достигала в начале и в конце 1920-х гг., что было обусловлено крайней остротой внутривнутриполитической обстановки в стране. В начале 1920-х гг., на завершающем этапе Гражданской войны, партийно-советское руководство было заинтересовано в максимально жестком контроле над электоральными процессами, дабы не пропустить в местные органы власти своих многочисленных противников. Весьма показательна избирательная кампания в Майкопском отделе Кубано-Черноморской области, проходившая в конце 1920 г. Без учета жителей г. Майкоп, в отделе насчитывалось до 350 тыс. избирателей, из которых лишенцами были объявлены 110 тыс. человек, то есть 31 % [25].

Когда же в середине 1920-х гг. партийно-государственное руководство инициировало политику «лицом к деревне», направленную на расширение просоветских настроений среди крестьян, ВЦИК продемонстрировал весьма либеральный подход к проведению выборов. Так, согласно постановлению Президиума ЦИК СССР «О применении инструкции о перевыборах в советы» от 6 апреля 1925 г., не могли быть лишены избирательных прав кустари, имевшие подсобные предприятия (мельницу, просорушку, маслобойку и т. п.), а также служители при храмах и домах культа, псаломщики, канторы, муэдзины, если для таковых служба в религиозных учреждениях не являлась основной профессией.

В соответствии с инструкцией ВЦИК о выборах в советы от 16 января 1925 г., избирательных прав не лишались те жители деревни, которые применяли в своих хозяйствах наемный труд, если они использовали его в порядке, устанавливаемом соответствующими статьями земельных кодексов союзных республик. Данная рекомендация, как видим, вступала в противоречие с положениями Основного закона, согласно которым лица, эксплуатировавшие чужой труд, безоговорочно относились к лишенцам. По вышеизложенным причинам в середине 1920-х гг. удельный вес лишенцев был наименьшим за все время существования данной категории. В частности, по данным Уральской областной избирательной комиссии, в 1925-1926 гг. численность лишенцев в области снизилась «примерно на 45–50 %» [20, с. 32].

Однако кампания «лицом к деревне» имела неожиданные для правившего в СССР режима результаты, выразившиеся в некотором укреплении антибольшевистски настроенных групп сельского населения, в том числе среди казаков. Поэтому на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 15 марта 1926 г. И.В. Сталин критически оценил избирательную инструкцию ВЦИК, уменьшившую, в сравнении с Основным законом, круг лишенцев, и потребовал ее пересмотреть [26, с. 46]. Осенью того же года Президиум ВЦИК РСФСР и ЦИК СССР утвердили новые правила выборов в советы, согласно которым перечень лиц, подлежащих лишению избирательных прав, вновь был

³ *СЗ СССР*. 1925;(6):55.

расширен. В итоге в 1927 г. численность лишенцев увеличилась в сравнении с 1925–1926 гг. с 4,5 % до 7,7 % в городах и с 1,1 % до 3,5 % в деревне [27, с. 226].

В конце 1920-х гг., в условиях хлебозаготовительного кризиса, перехода руководства компартии к политике «чрезвычайщины» и роста оппозиционных настроений в обществе как реакции на эту политику, последовало очередное ужесточение правил, и перечень категорий лишенцев был существенно расширен за счет включения в него «бывших белых офицеров, военных чиновников белых армий, руководителей контрреволюционных банд», «административно-ссылных» граждан, «членов семей лиц, лишенных избирательных прав» [18, с. 157]. Одновременно правительство расширило перечень признаков кулацких хозяйств (постановление СНК СССР «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде» от 21 мая 1929 г.). Помимо систематического использования наемного труда и занятия торговлей, ростовщичеством, коммерческим посредничеством, признаками кулацких хозяйств теперь считались наличие механического двигателя и промышленных предприятий (мельниц, маслобоек, крупорушек и пр.) и сдача внаем сложной сельхозтехники⁴. Поскольку причисление к кулачеству влекло за собой лишение избирательных прав, у кубанских хлеборобов были все основания для жалоб на то, что теперь они за использование в хозяйстве молотилки как сложного сельхозинвентаря «должны быть лишены избирательных прав» [28].

Вследствие ужесточения правительственного подхода к проведению выборов в советы, численность лишенцев в СССР к исходу 1920-х гг. существенно выросла. Если в 1926 г. в стране было немногим более 1 млн лиц, лишенных избирательных прав, то к исходу десятилетия их насчитывалось уже свыше 3,7 млн [29]. Развертывание форсированной модернизации на рубеже 1920–1930 гг. также способствовало росту категории лишенцев. Некоторые исследователи полагают, что даже к концу 1920-х гг. численность лишенцев «была уж слишком мала» [5, с. 132], как и их удельный вес в массе полноправных советских граждан. Данные таблицы свидетельствуют об обратном – в 1929 г. имел место самый высокий процент за все годы, при этом речь идет об экономически и политически активных жителях страны. Лишение избирательных прав не только отстраняло их от выборов в органы местного самоуправления, но и затрудняло участие в общественной жизни и в целом сильнее всего образом осложняло существование.

Здесь следует подчеркнуть, что статус лишенца приносил массу неприятностей как лицу этот статус получившему, так и членам его семьи. Помимо возможности избирать и быть избранным в органы власти, лишенец не имел «серьезных перспектив в продвижении по социальной лестнице» [30, с. 25]. Он не мог надеяться занять какой-либо ответственный пост или получить престижную работу, стать членом профсоюза, кооператива, колхоза, практически не имел шансов поступить в вуз, подвергался повышенному налогообложению или, если являлся кулаком, должен был выполнять «твердые задания», т. е. облагался очень высокими налогами и поставками сельхозпродуктов. Лишенцев не брали в Красную Армию и направляли «либо в штрафную роту, либо в тыловое ополчение» [31, с. 491]. Такие же ограничения распространялись и на членов семьи лишенца. Кроме того, лица, лишенные избирательных прав, не могли претендовать на получение «заборной книжки», которая являлась «основным документом на получение продуктов питания после введения в конце 1928 г. карточной системы» [30, с. 25].

В конце 1920-х гг. сельские жители, причисленные к лишенцам, утратили права на пользование землей. В декабре 1928 г. постановлением ЦИК СССР были утверждены «Общие начала землепользования и землеустройства», содержание которых во многом совпадало с Земельным кодексом 1922 г., но имело и отличия. Одним из наиболее существенных новшеств «Общих начал» стали ограничения, предусмотренные для лишенцев и «социально чуждых» элементов деревни. Если в Земельном кодексе 1922 г. право на землю предоставлялось каждому, кто желал обрабатывать ее своим трудом, то «Общие начала» запрещали наделять земельными участками бывших помещиков и служителей культа. В отношении лишенцев указывалось, что они могут претендовать на пользование землей в последнюю очередь.

В конце 1920-х гг. лишение избирательных прав стало одной из основных негативных тенденций социальной повседневности советских людей. Даже будучи взятыми по отдельности, вышеуказанные последствия получения статуса лишенца обещали его носителю серьезные жизненные затруднения. Если же лишенец подвергался сразу нескольким ограничениям (а подобное было не редкостью), это буквально «ставило его на грань выживания» [13, с. 31]. Это стимулировало лишенцев активно бороться за исключение из данной категории населения. Закон предоставлял лицам, лишенным избирательных прав, возможность вернуть себе статус полноправного гражданина. Лица, лишенные избирательного права в текущую избирательную кампанию, могли обжаловать это постановление в недельный срок со дня опубликования или вывешивания списка. Для этого им следовало обратиться в ту избирательную комиссию, которая составляла список. Получив жалобу, комиссия обязана была в течение

⁴ Данилов В.П., Ивницкий Н.А. (ред.) *Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и ходе коллективизации 1927–1932 гг.* Москва; 1989. С. 221–222.

24 часов переслать ее со всеми заключениями в вышестоящую избирательную комиссию. Последней кассационной инстанцией являлся Президиум ЦИК соответствующей союзной республики. По итогам разбирательства гражданин, подавший в соответствующие инстанции апелляцию, мог быть восстановлен в избирательных правах.

Так, в январе 1926 г. избирательная комиссия Таганрогского округа Северо-Кавказского края сообщала гражданину В.П. Рыжову о том, что поданное им в комиссию заявление было рассмотрено, и он восстановлен в избирательных правах. Основанием для причисления Рыжова к лишенцам стало то, что он использовал в своем хозяйстве «одного сезонного рабочего». Комиссия, вникнув в суть дела, установила, что «в настоящее время» Рыжов «наемным трудом не пользуется», в связи с чем и вернула его в ряды полноправных граждан СССР [32]. Впрочем, благоприятный для Рыжова исход дела объяснялся тем, что в это время проводилась политика «лицом к деревне», в рамках которой, как уже отмечалось, советские лидеры стремились привлечь к себе симпатии крестьянства и инициировали либерализацию нормативных документов о проведении выборов в советы. На протяжении последующих лет восстановление в избирательных правах лиц, применявших в своих хозяйствах наемный труд (даже если на момент рассмотрения дела таковой уже не применялся), было практически невозможно. Да и в целом на исходе 1920-х гг. основная масса прошений лишенцев отклонялась представителями власти. Так, согласно материалам Уральской областной избирательной комиссии, из 2 038 ходатайств лишенцев, полученных ею в 1927 г., было удовлетворено лишь 119 (5,8 %) [32, с. 35].

Вместе с тем резкий рост административного произвола и насилия в условиях «великого перелома» на рубеже 1920-х – 1930-х гг., одним из проявлений которого стало массовое лишение избирательных прав горожан и сельских жителей, вынудил большевистских лидеров и лично Сталина вмешаться, чтобы успокоить возмущенное население. 14 марта 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении», основанное на знаменитой статье Сталина «Головокружение от успехов». Центральный Комитет компартии требовал от нижестоящих партийных функционеров «проверить списки раскулаченных и лишенных избирательных прав и немедленно исправить допущенные в этой области ошибки в отношении середняков, бывших красных партизан и членов семейств, сельских учителей и учительниц, красноармейцев и краснофлотцев (рядовых и командных)»⁵.

Масштабное раскулачивание и повсеместные репрессивные акции в отношении действительных и мнимых противников сталинского режима, проводившиеся в первой половине 1930-х гг., закономерно привели к резкому снижению численности оппозиционно настроенных к советской власти групп населения – кулаков, торговцев, священнослужителей, бывших царских чиновников, офицеров, жандармов. Тем самым исчезла и необходимость лишения представителей этих групп населения избирательных прав. Поэтому при разработке в 1936 г. новой Конституции СССР Сталин высказался за отказ от этой дискриминационной меры, хотя в этом его не поддерживала часть общества. В ходе всенародного обсуждения проекта новой Конституции, шедшего с июня по ноябрь 1936 г., радикально настроенные члены компартии и просоветские активисты предлагали внести в ст. 135 Конституции («выборы депутатов являются всеобщими; все граждане СССР, которым в год выборов исполняется 18 лет, имеют право участвовать в выборах...») поправку о лишении избирательных прав «социально чуждых» лиц. Выступая на Чрезвычайном VIII Съезде Советов 25 ноября 1936 г. с докладом «О проекте Конституции Союза ССР», Сталин заявил, что поправка, предлагающая «лишить избирательных прав служителей культа, бывших белогвардейцев, всех бывших людей... или же, во всяком случае, – ограничить [их] избирательные права... должна быть отвергнута. Советская власть лишила избирательных прав нетрудовые и эксплуататорские классы не на веки вечные, а временно, до известного периода. Было время, когда эти элементы вели открытую войну против народа и противодействовали советским законам. Советский закон о лишении их избирательного права был ответом Советской власти на это противодействие. С тех пор прошло немало времени. За истекший период мы добились того, что эксплуататорские классы уничтожены, а Советская власть превратилась в непобедимую силу. Не пришло ли время пересмотреть этот закон? Я думаю, что пришло время» [33, с. 531–532].

Поэтому в Конституции 1936 г. такая дискриминационная мера, как лишение избирательных прав, уже не фигурировала, и все граждане получили равные избирательные права. Президиум ЦИК СССР своим постановлением от 14 марта 1937 г. «О восстановлении в избирательных правах граждан СССР, лишенных этих прав по мотивам социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности» предписал искоренить социально неполноправную группу лишенцев, о которых больше не упоминалось в Конституции⁶. Тем самым в 1936–1937 гг. лишенцы, как социально и политически неполноправная категория советского общества, прекратили свое исторически недолгое существование.

⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898 – 1953. Изд. 7-е. Ч. II. 1925–1953. Москва; 1953. С. 550–551.

⁶ СЗ СССР. Отдел 1. 1937;(220):75.

Обсуждение и заключение. По результатам исследования можно правомерно характеризовать лишение избирательных прав, предусмотренное Конституцией РСФСР 1918 г. в отношении отдельных групп населения, расценивавшихся большевистским режимом как оппозиционные и «социально чуждые», как меру конституционно-правовой ответственности в раннесоветском обществе. Будучи установлена Основным законом РСФСР в редакциях 1918 г. и 1925 г., данная мера конкретизировалась различными нормативными правовыми актами правительственных органов, в первую очередь – инструкциями о порядке выборов в городские и сельские советы. Суровость применявшихся к лишенцам санкций существенно варьировалась на протяжении 1920-х – первой половины 1930-х гг. в зависимости от колебаний внутривнутриполитического курса партийно-государственного руководства. В конечном итоге целенаправленное государственное давление на лишенцев, предельно ужесточившееся в условиях «великого перелома» на рубеже 1920-х – 1930-х гг., привело к резкому снижению численности и значения этой неполноправной группы советского общества. Данное обстоятельство позволило законодателю отказаться от лишения избирательных прав как меры конституционно-правовой ответственности и уже не упоминать о ней в Конституции 1936 г.

Список литературы / References

1. Добкин А.И. Лишенцы 1918–1936 гг. В: *Звенья. Исторический альманах. Вып. 2*. Москва; Санкт-Петербург: Феникс: Atheneum; 1992. С. 600–628.
Dobkin AI. Disenfranchised 1918–1936. In: *Zvenya (Links). Historical Almanac. Issue 2*. Moscow; St. Petersburg: Feniks: Atheneum; 1992. P. 600–628. (In Russ.)
2. Саламатова М.С. Лишение избирательных прав как форма социально-политической дискриминации в середине 1920-х – 1936 гг.: на материалах Западной Сибири. Автореф. дис. канд. ист. наук. Новосибирск; 2002. 24 с.
Salamatova MS. Disenfranchisement as a Form of Socio-Political Discrimination in the Mid-1920s – 1936: Based on Western Siberian Materials. Extended Abstract of Cand. Sci. (History) Dissertation. Novosibirsk; 2002. 24 p. (In Russ.)
3. Саламатова М.С. Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). Изд. 2-е. Новосибирск: Сова; 2007. С. 19–99.
Salamatova MS. Marginals in Society. Marginals as a Society. Siberia (1920–1930s). 2nd ed. Novosibirsk: Sova; 2007. P. 19–99. (In Russ.)
4. Куренкова Ю.О. Лишение избирательных прав как метод давления на крестьян. *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*. 2004;4:88–95.
Kurenkova YuO. Disenfranchisement as a Method of Putting Pressure on Peasants. *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University*. 2004;4:88–95. (In Russ.)
5. Климух Я.А. Лишение крестьян избирательных прав как метод политики «раскулачивания» (на материалах ЦХАФ АК). *Известия Алтайского государственного университета*. 2007;(4–1(56)):131–135.
Klimuk YaA. Deprivation of the Peasants of the Suffrages as a Method of Policy “Raskulachivanie”. *Izvestiya of Altai State University*. 2007;(4–1(56)):131–135. (In Russ.)
6. Карпычева Е.В. Лишение избирательных прав за занятие частной торговлей по Тверскому региону: источниковедческое исследование (1918–1936 годы). Автореф. дис. канд. ист. наук. Москва; 2009. 24 с.
Karpycheva EV. Disenfranchisement for Engagement in Private Trade in the Tver Region: A Source-based Study (1918–1936): Extended Abstract of Cand.Sci. (History) Dissertation. Moscow; 2009. 24 p. (In Russ.)
7. Москаленская Д.Н. Лишение и восстановление в избирательных правах православных церковнослужителей Западной Сибири в середине 1920-х – середине 1930-х гг. *Вестник Томского государственного университета*. 2016;(403):82–86.
Moskalenskaya DN. Disfranchisement and Restoration of Voting Rights of Orthodox Clergymen in Western Siberia in the Mid-1920s — Mid-1930s. *Tomsk State University Journal*. 2016;(403):82–86. (In Russ.)
8. Тихонов В.И., Тяжелникова В.С., Юшин И.Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. Москва: Мосгосархив; 1998. 256 с.
Tikhonov VI, Tyazhelnikova VS, Yushin IF. Disenfranchisement in Moscow in the 1920s–1930s. Moscow: Mosgosarchiv; 1998. 256 p. (In Russ.)
9. Морозова Н.М. Лишение избирательных прав на территории Мордовии в 1918–1936 гг. Автореф. дис. канд. ист. наук. Саранск; 2005. 19 с.
Morozova NM. Disenfranchisement in Mordovia in 1918–1936: Extended Abstract of Cand. Sci. (History) Dissertation. Saransk; 2005. 19 p. (In Russ.)
10. Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск: Маджента; 2012. 155 с.

Valuev DV. *Disenfranchised Persons in the System of Social Relations (1918–1936) (Based on the Smolensk Province and Western Region Materials)*. Smolensk: Madzhenta; 2012. 155 p. (In Russ.)

11. Рупасов А.И. Лишенные избирательных прав в Ленинграде в 1920-е годы. *Петербургский исторический журнал*. 2019;2(22):282–295.

Rupasov AI. Deprived of Electoral Rights in Leningrad in the 1920s. *Petersburg Historical Journal*. 2019;2(22):282–295. (In Russ.)

12. Кожаева А.А. Отход в города как тактика борьбы лишенцев за восстановление в избирательных правах в 1928–1936 гг. (на материалах Маслянинского и Искитимского районов Западной Сибири). *Исторический курьер*. 2021;(4(18)):27–37.

Kozhaeva AA. Escape to the Cities as a Tactic of the Struggle of the “Deprived” for the Restoration of Voting Rights in 1928–1936 (Based on the Materials of the Maslyaninsky and Iskitimsky Districts of Western Siberia). *Historical Courier*. 2021;(4(18)):27–37. (In Russ.)

13. Кожаева А.А. Речевые практики подражания официальному советскому дискурсу в письмах «лишенцев» во власть (1918–1936 годы) (на материалах Западной Сибири). *Исторический курьер*. 2022;(6(26)):29–38.

Kozhaeva AA. Speech Practices of Imitation of the Official Soviet Discourse in the Petitions of the Deprived to Power (1918–1936) (Based on the Materials of Western Siberia). *Historical Courier*. 2022;(6(26)):29–38. (In Russ.)

14. Туманов Д.Ю. «Лишенцы» как социально-правовая категория советских граждан. *Евразийский юридический журнал*. 2012;(4(47)):86–89.

Tumanov DYU. “Powerlesses” as the Social and Legal Category of the Soviet Citizens. *Eurasian Law Journal*. 2012;(4(47)):86–89. (In Russ.)

15. Белоновский В.Н., Кальгина А.А. Правовое положение лишенцев и степень их угрозы Советской власти. *Образование. Наука. Научные кадры*. 2014;(3):15–19.

Belonovsky VN, Kalgina AA. The Legal Status of Disenfranchised Persons and the Degree of Their Threat of the Soviet Regime. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry (Education. Science. Scientific Personnel)*. 2014;(3):15–19. (In Russ.)

16. Берлявский Л.Г., Бондарев В.А. Категория «лишенец» в советском избирательном праве. *Избирательное законодательство и практика*. 2019;(2):37–40.

Berlyavsky LG, Bondarev VA. The “Non-Voter” Category in the Soviet Electoral Law. *Electoral Legislation and Practice*. 2019;(2):37–40. (In Russ.)

17. Веденеев Ю.А., Богодарова Н.А. (ред.) *Очерки по истории выборов и избирательного права*. Калуга: Калужский обл. фонд возрождения историко-культурных и духовных традиций «Символ»; 2002. 692 с.

Vedeneev YuA, Bogodarova NA (Eds). *Essays on the History of Elections and Electoral Law*. Kaluga: Kaluga Regional Foundation for the Revival of Historical, Cultural and Spiritual Traditions “Symbol”; 2002. 692 p. (In Russ.)

18. Кожаева А.А. Социально-правовая дискриминация в восприятии «лишенцев» Новосибирска (1925–1936 годы). *Исторический курьер*. 2024;(1(33)):155–165.

Kozhaeva AA. Social and Legal Discrimination in the Perception of Persons Deprived of Voting Rights in Novosibirsk (1925–1936). *Historical Courier*. 2024;(1(33)):155–165. (In Russ.)

19. Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. Москва: Издательский дом «Мир истории»; 2003. 296 с.

Smirnova TM. “Former People” of Soviet Russia. *Survival Strategies and Paths of Integration. 1917–1936*. Moscow: “Mir istorii” Publishing House; 2003. 296 p. (In Russ.)

20. Славко Т.И. (отв. ред.) *Социальный портрет лишенца (на материалах Урала). Сборник документов*. Екатеринбург: УрГУ; 1996. 256 с.

Slavko TI (Ed.). *Social Portrait of a Disenfranchised Person (Based on Materials from the Urals). Collection of Documents*. Ekaterinburg: Ural State University; 1996. 256 p. (In Russ.)

21. Стучка П. (ред.) *Энциклопедия государства и права. Т.2, вып.3: [И–Л]. 1925–1926*. Коммунистическая академия, Секция общей теории государства и права. Москва: Изд-во Коммунистической академии; 1925–1927. 800 стб.

Stuchka P (Ed.). *Encyclopedia of State and Law. Vol. 2. Issue 3: [I–L]. 1925–1926*. Communist Academy, Section of General Theory of State and Law. Moscow: Publishing House of the Communist Academy; 1925–1927. 800 columns. (In Russ.)

22. Стучка П.И. *Учение о Советском государстве и его Конституции СССР и РСФСР*. Москва: Гос. изд-во; Ленинград: Печатный двор; 1931. 288 с.

Stuchka PI. *The Doctrine on the Soviet State and Its Constitutions of the USSR and the RSFSR*. Moscow: State Publishing House; Leningrad: Pechatny Dvor; 1931. 288 p. (In Russ.)

23. ЦДНИ КК, ф. 1771, оп. 1, д. 318, л. 22.

Center for Documentation of Contemporary History of the Krasnodar Region (ЦДНИКК/TsDNI KK). Archive Fund No 1771. Inventory No 1. File No 318. P. 22. (In Russ.)

24. Жуков Е.М. (гл. ред.) *Советская историческая энциклопедия*. В 13 т. Т.13. Москва: Советская энциклопедия, 1961–1976; 1971. 1022 стлб.

Zhukov EM (Ed.). *Soviet Historical Encyclopedia. in 13 Volumes. Vol. 13*. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1961–1976; 1971. 1022 columns. (In Russ.)

25. ГАКК, ф. Р-102, оп. 1, д. 29, л. 34.

State Archive of the Krasnodar Territory (ГА КК/SA KT). Archive Fund No Р-102. Inventory No 1. File No 29. P. 34. (In Russ.)

26. Голанд Ю. *Кризисы, разрушившие нэп*. Москва: МНИИПУ; 1991. 94 с.

Goland Yu. *Crises that Destroyed the NEP*. Moscow: MNIIPU; 1991. 94 p. (In Russ.)

27. Гимпельсон Е.Г. *НЭП и советская политическая система. 20-е годы*. Москва: Ин-т Рос. истории РАН; 2000. 437 с.

Gimpelson EG. *NEP and the Soviet Political System. The 1920s*. Moscow: Institute of Russian History, RAS; 2000. 437 p. (In Russ.)

28. РГАСПИ, ф. 17, оп. 85, д. 63, л. 11.

Russian State Archive of Socio-Political History (РГА СПИ /RSA SPH). Archive Fund No 17. Inventory No 85. File No 63. P. 11. (In Russ.)

29. Красильников С.А. *На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х годов)*. Новосибирск: НГУ; 1998. 82 с.

Krasilnikov SA. *At the Turning Point of Social System Changes: Marginals in Post-Revolutionary Russian Society (1917 – Late 1930s)*. Novosibirsk: NSU; 1998. 82 p. (In Russ.)

30. Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф. *Лишение избирательных прав в Москве в 1920-1930-е годы новые архивные материалы и методы обработки*. Москва: Мосгорархив; 1998. 253 с.

Tikhonov VI, Tyazhelnikova VS, Yushin IF. *Disenfranchisement in Moscow in 1920-1930s: New Archival Materials and Processing Methods*. Moscow: Mosgorarkhiv; 1998. 253 p. (In Russ.)

31. Федорова Н.А. Лишенцы 1920-х годов: советское сословие отверженных. *Журнал исследований социальной политики*. 2007;5(4):483–496.

Fedorova NA. Disenfranchised of the 1920s: The Soviet Class of Outcasts. *The Journal of Social Policy Studies*. 2007;5(4):483–496. (In Russ.)

32. ТФГАРО, ф. р-10, оп.1, д. 205, л. 25.

Taganrog Branch of the State Archive of the Rostov Region (ТФ ГАРО/TB SARR). Archive Fund No р-10. Inventory No 1. File No 205. P. 25. (In Russ.)

33. Сталин И.В. Доклад «О проекте Конституции Союза ССР» на VIII Чрезвычайном Съезде Советов. 25 ноября 1936 г. В: Сталин И.В. *Вопросы ленинизма*. Изд. 11-е. Москва: Госполитиздат; 1945. С. 545–573.

Stalin IV. Report “On the Draft Constitution of the USSR” at the VIII Extraordinary Congress of Soviets. November 25, 1936. In: Stalin IV. *Issues of Leninism. 11th edition*. Moscow: Gospolitizdat; 1945. P. 545–573. (In Russ.)

Об авторах:

Леонид Гарриевич Берлявский, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры «Гражданское право» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), профессор кафедры конституционного и муниципального права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69), [SPIN-код](#), [ORCID](#), berlg@yandex.ru

Виталий Александрович Бондарев, доктор исторических наук, профессор кафедры «История и культурология» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код](#), [ORCID](#), vitalij-bondarev27@rambler.ru

Заявленный вклад авторов:

Л.Г. Берлявский: формирование основной концепции, методология исследования, постановка задач исследования, подготовка текста, формирование выводов.

В.А. Бондарев: обзор и анализ научных источников, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Leonid G. Berlyavskiy, Dr.Sci. (History), Cand.Sci. (Law), Professor of the Civil Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), Professor of the Constitutional and Municipal Law Department, Rostov State University of Economics (RSUE) (69, BolshayaSadovaya Str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), berlg@yandex.ru

Vitaliy A. Bondarev, Dr.Sci. (History), Professor of the History and Cultural Studies Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), vitaliji-bondarev27@rambler.ru

Claimed Contributorship:

LG Berlyavskiy: formulating the main concept, research methodology, setting research objectives, preparing the text, formulating the conclusions.

VA Bondarev: review and analysis of scientific sources, refining the text, correcting the conclusions.

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 06.03.2026

Поступила после рецензирования / Reviewed 03.04.2026

Принята к публикации / Accepted 10.04.2026